

Н. В. Александрова, М. А. Русанов

Приметы рождения Бодхисаттвы в буддийской агиографии. «Поэтика перечней»

Эта работа посвящена одному небольшому эпизоду, присутствующему во многих жизнеописаниях Будды. Рождение сына царицы Майи в роце Лумбини сопровождалось чередой чудесных явлений. В ряде памятников буддийской житийной литературы эти чудеса сгруппированы в списки из тридцати двух «примет» или «предзнаменований» (*pūrvanimitta*), возвещающих появление в мире Бодхисаттвы — существа, которому предстоит достичь просветления. Эти списки имеют ряд общих черт, но в то же время демонстрируют и существенные различия. Их формирование и соотношение друг с другом станут предметом исследования в этой статье.

Рассмотрение такой весьма узкой темы позволяет, однако, затронуть важную проблему, общую для всей буддийской повествовательной литературы. Перечень примет рождения — лишь один из множества перечней, которые не только встречаются на каждом шагу в буддийском нарративном тексте, но и задают саму структуру этого текста на разных уровнях его композиции. Прояснив, насколько это возможно, генезис одного списка, мы проясняем одновременно некоторые принципы, лежащие в основе поэтики буддийской сутры.

Начнем с «Аалитавистары» — сутры, являющейся важным источником сведений о жизни Будды для последователей махаяны в разных странах. Она, вероятно, была создана в первые века нашей эры [de Jong 1997: 252–253], но дошедший до нас санскритский текст относится к более позднему времени. В течение веков это произведение претерпевало различные изменения: его редактировали, сокращали и дополняли в соответствии с развитием махаянских представлений о Будде. Об этих трансформациях мы можем догадываться на основании лингвистической и стилистической разнородности текста, но аргументировано реконструировать эволюцию сутры позволяет лишь сравнение санскритской версии с двумя сохранившимися

ся китайскими переводами. Первый из них был выполнен Фа-ху в 318 г. и называется «Сутра всеобъемлющего сияния» (普曜經 [Т.186]), а второй сделан Дивакаррой в 683 г. и озаглавлен «Великая прекрасная сутра Широкого [Пути]» (方廣大莊嚴經 [Т.187]). Перевод Фа-ху демонстрирует столь значительные отличия от санскритской «Лалитавистары», что его можно рассматривать как самостоятельный памятник. Версия Дивакарры также содержит многочисленные расхождения с индийской сутрой, которые, однако, существенно не меняют содержание и структуру произведения. Что касается известного нам санскритского текста, то можно предположить, что он сложился к первой четверти девятого века, поскольку именно в это время создан тибетский перевод, который почти полностью его воспроизводит [de Jong 1954: 313].

Интересующий нас эпизод содержится в седьмой главе «Лалитавистары» (в версии Фа-ху — в пятой главе) и предшествует рассказу о поездке царицы Майи в роцху Лумбини:

«И вот, монахи, когда прошло десять месяцев и приблизилось время рождения Бодхисаттвы, в саду¹ царя Шуддходаны появились тридцать два предзнаменования. Какие же тридцать два? (1) Все цветы, находящиеся в бутонах, не расцвели. (2) И на прудах синие лотосы, белые лотосы и лилии, находящиеся в бутонах, не расцвели. (3) И молодые деревья, дающие плоды и цветы, покрывшись бутонами до самой земли, не расцвели. (4) И появилось восемь деревьев, [плодоносящих] драгоценными камнями. (5) И двадцать тысяч кладов с драгоценными камнями, выйдя [из земли], стали видимы. (6) И во внутренних покоях дворца появились ростки из драгоценных камней. (7) И потекли ароматные воды, благоухающие благовонными маслами, холодные и теплые. (8) И со склонов Снежной Горы пришли детеныши львов и,

¹ «В саду» — *udyāne*, в издании П. А. Вайды, основанном на предшествующих изданиях С. Лефманна и Р. А. Митры, — *grhodyāne* «в доме и в саду» [Lalitavistara 1987: 61]. Наш перевод сделан по критическому тексту, подготовленному К. Хокадзоно [Hokazono 1994]; японский ученый удалил упоминание о доме на основании тибетского перевода.

издавая приветственное рычание, совершили обход лучшего города, носящего имя Капилы. (9) Они сели у каждого ворот и никому не причиняли вреда. (10) И пятьсот белых слонят, придя, кончиками хоботов коснулись ног царя Шуддходаны. (11) И явились подпоясанные дети богов, мириадами проходившие через внутренние покои дворца Шуддходаны. (12) И в небе показались дочери нагов, [явив] половину тела, склонившись и держа различные принадлежности для пуджи. (13) И десять тысяч дочерей богов с опахалами из павлиньих перьев явились в небе. (14) И явились десять тысяч полных судов, совершавших движение вокруг великого города Капилавасту. (15) И явились десять тысяч дочерей богов, державших на голове золотые сосуды с благовонной водой. (16) И явились десять тысяч божественных дев, державших зонты, знамена и флаги. (17) И явились многие тысячи апсар, застывших в ожидании с раковинами, литаврами, барабанами и барабанчиками, подвешенными на шее. (18) И все ветры остановились и не дули. (19) И все реки и ручьи не текли. (20) И солнце, луна и воздушные колесницы [богов], созвездия и множества звезд не двигались. (21) И [луна] соединилась с созвездием Пушья. (22) И дом царя Шуддходаны сиял множеством драгоценных камней. (23) И огонь не горел. (24) И в мансардах, дворцовых зданиях, воротах и башнях явились драгоценные камни, висевшие [в воздухе]. (25) И сокровищницы с дорогими тканями, и сокровищницы с разными драгоценными камнями явились, оставаясь закрытыми. (26) И голоса ворон, сов, коршунов, волков и шакалов затихли. (27) И были слышны приятные звуки. (28) И результаты кармы всех людей были устранены. (29) И возвышенности и низины на земле выровнялись. (30) И все дороги, площади, перекрестки, улицы и входы на рынки, словно вычищенные руками, сияли. (31) И все беременные легко и благополучно родили. (32) И все лесные божества, [обитающие в деревьях] шала, пред-

стали, явив среди листвы половину тела, и стояли склонившись. Такие тридцать два предзнаменования появились».

В приведенном тексте можно выделить ряд тематических блоков, хотя не все элементы перечня вписываются в образуюмую этими блоками структуру. При этом мотив, объединяющий приметы в ту или иную группу, приобретает особую значимость и, стало быть, несет в себе важный для составителей сутры смысл, имеющий отношение к предстоящему рождению Бодхисаттвы.

Первые три приметы объединены мотивом «нераспустившихся цветов». Образ цветочных бутонов передает идею близкого, но еще не состоявшегося события. Интересно отметить, что в тибетском переводе в формулировках этих трех примет отрицание отсутствует и говорится о распустившихся цветах (*kha 'pus nas rgyas par gyur pa*).

Следующий блок (4–6) связан с появлением драгоценных камней. В буддийской символике «драгоценность» занимает важное место: сущность буддизма метафорически описывается как *triratna* «три драгоценности» (Будда, дхарма и сангха), также часто употребляется понятие *saptaratna* «семь драгоценностей» (семь драгоценных материалов, семь сокровищ царя-чакравартина и семь видов самосовершенствования).

«Ароматные воды» (*gandhodaka*) с благовонными маслами (*sugandhataila*) — намек на предстоящее омовение младенца (7). Эти воды охарактеризованы как *śītoṣṇa* «холодные и теплые». Согласно некоторым грихья-сутрам, такая вода использовалась для омовения новорожденного [Gonda 1980: 130]. В связи с этим стоит отметить, что «Тайттирия-брахмана» (3.2.3.8) предписывает не смешивать теплую и холодную воду, чтобы не соединять то, что принадлежит богам и людям. В дальнейшем в «Лалитавистаре» рассказывается, что новорожденного Бодхисаттву омыли в двух потоках воды — холодном и теплом. Подобное омовение упомянуто в палийской и санскритской версиях «Махавадана-сутры» [Waldschmidt 1956: 91], а также в записках Сюань-цзана [Сюань цзан 2012: 166].

Затем следуют приметы, отмечающие царский статус младенца: в Капилавасту к царю Шуддходане являются лъвята, слонята и дети богов (8–11). Львы и слоны — постоянные сим-

волы царской власти, дети богов названы «повязавшими пояс» (*mekhalibaddhaka*), что подчеркивает готовность к служению.

Следующая группа примет (12–17) объединена темой появления атрибутов царского праздничного выезда: принадлежности для пуджи, опахала, полные сосуды, зонты, флаги, музыкальные инструменты. Эти предметы приносят божественные женщины, что подчеркивает высокий статус родившегося царевича.

Далее идут приметы, связанные со стихиями и космическими явлениями: ветры, реки и небесные светила замирают и перестают двигаться (18–20). Рождение Бодхисаттвы становится таким образом событием космического масштаба. Ожидание этого события выражено через образ неподвижности всего того, что в вечном движении. К этому «космическому» блоку примыкает и сообщение о том, что луна соединилась с созвездием Пушья (21). Речь, несомненно, идет о полнолунии в месяце *pausha*, которое приходится на конец декабря и совпадает с днем зимнего солнцеворота, когда начинается *uttarāyaṇa* «северный путь [солнца]» и дни становятся длиннее. Этот день в ритуальном календаре рассматривался как момент нового рождения мира и был тесно связан с обрядами утверждения царской власти. С древнейших времен именно в полнолуние месяца *pausha* совершалась абхишека, ритуал помазания на царство; кроме того, существовал обряд *puṣyasnāna* «омовение [царя] под созвездием Пушья» [Вигасин 2007: 68–69, Никольская 2013: 142–145]. Интересно, что в описании той ночи, когда Бодхисаттва покинул царский дворец, решив стать подвижником (*abhinīṣkramaṇa*), сказано: «И присутствовал царь созвездий Пушья» [Lalitavistara 1987: 171].

Еще один блок образуют приметы, явленные внутри царского дворца (22–25). Как и в группе 4–6, здесь вновь на первый план выходит тема драгоценных камней. Дворец освещен драгоценными камнями, они висят в воздухе как светильники, а огонь перестает гореть. В то же время образ закрытых сокровищниц (подобно нераспустившимся бутонам — 1–3) передает идею еще не совершившегося события.

Последняя часть списка включает приметы, которые не объединены в смысловые группы. Здесь говорится о прекращении неблагоприятных звуков (26–27), об устранении «результатов

кармы» всех людей (28), о выравнивании и очищении земли (29–30), о благополучном разрешении от бремени всех беременных женщин (31). Тема земли, которая стала ровной, чистой и украшенной, вновь возвращает нас к идее царского выезда; места, которые предстоит увидеть царю, в ритуальных целях очищали и украшали. Возможно, к этому же имеет отношение и молчание животных и птиц, чьи голоса предвещают дурное.

Список завершается упоминанием о поклонении лесных божеств, живущих в деревьях *шала*. Деревья *шала* (*Shorea robusta*) имеют в седьмой главе «Лалитавистары» особое значение, смысл которого не вполне ясен. Царица Майя, объясняя Шуддходане, почему ей следует посетить рощу Лумбини, говорит: «Цветущие деревья *шала* известны как лучшие из деревьев — о господин, следует отправиться в сад» (строфа 2), — при том, что цветы *Shorea robusta* довольно невзрачны и почти незаметны на фоне листвы [Menon, Bagla 2000: 61], и, кроме того, согласно той же «Лалитавистаре», в момент родов царица держится рукой за дерево *плакша*. Еще более примечательно то, что апсары (строфа 23) и боги (строфа 49) упоминают цветение *шала* в числе чудес, сопровождающих рождение Бодхисаттвы. Эти деревья цветут в марте, а события в Лумбини приурочены, как мы видели, к декабрю (месяц *пауша*). Можно отметить, что в Индии существует обычай совершать поклонение цветущим деревьям *шала* ради обретения потомства [Gupta 1971: 101]. Самый знаменитый эпизод жития Будды, связанный с деревьями *шала*, — паринирвана, т. е. конец его земного пути. Перед тем, как погрузиться в свою последнюю медитацию, Будда ложится между двумя деревьями *шала*. Таким образом, согласно «Лалитавистаре», не только конец, но и начало земной жизни Гаутамы отмечены этими священными деревьями.

Даже при поверхностном рассмотрении этого списка бросается в глаза, что его составителям пришлось приложить некоторые усилия, чтобы довести количество примет до тридцати двух. Нумерация в санскритском тексте отсутствует. Разграничивая отдельные приметы, мы вынуждены основываться на расстановке частицы *smā*, завершающей большинство фраз оригинала. По этой причине мы несколько искусственно рассматриваем фрагмент, посвященный льятам, как две приметы: льята пришли со Снежной Горы и совершили обход города

(8), они сели у городских ворот (9). Только в этом случае мы получим заявленное в начале списка число 32. Именно таким стремлением к числовому символизму можно объяснить и некоторую тавтологичность перечня. Так, приметы 6, 22 и 24 говорят о появлении драгоценных камней во дворце Шуддходаны, лишь слегка варьируя текст.

Список примет рождения содержится в обеих китайских версиях «Лалитавистары». Наиболее близок к санскритскому оригиналу китайский перевод Дивакары:

«Когда прошло десять месяцев после зачатия Бодхисаттвы и приблизилось время, в которое он был намерен родиться, во дворце царя Шуддходаны появились тридцать два благих предзнаменования. Первое — на всех больших деревьях зародились бутоны, готовые расцвести. Второе — посреди водоемов на цветах юболо (優鉢羅 *utpala*), цзюйутоу (拘物頭 *kumuda*), ботоуми (波頭摩 *padma*), фэньтоли (芬陀利 *puṇḍarika*) всюду зародились бутоны. Третье — и заросли мелких цветов выпустили бутоны, но пока не распустились. Четвертое — сами выросли восемь рядов деревьев с драгоценными камнями. Пятое — двадцать тысяч сокровищниц с драгоценными камнями вырвались из-под земли. Шестое — во внутренних покоях царского дворца сами проросли побеги из драгоценных камней. Седьмое — на земле возник неизмеримой величины драгоценный сосуд, наполненный ароматным маслом. Восьмое — со Снежных гор пришли бесчисленные детеныши львов и совершили обход города Капилавасту. Радостно прыгая и издавая громовое рычание, все они стали охранять ворота города. Девятое — эти львы никого не беспокоили и не причиняли вреда никому из людей. Десятое — пятьсот белых слонят пришли со Снежных гор и встали перед царским дворцом. Одиннадцатое — вдруг явилось неисчислимое множество божественных младенцев; дворцовые женщины носили их на руках, а они ласкались и резвились. Двенадцатое — показали дочери нагов, [явив] половину тела, и, неся в руках изысканные драгоценные ожерелья, парили в возду-

хе. Тринадцатое — десять тысяч божественных дев, каждая из которых держала опахало из павлиньих перьев, явились в воздухе. Четырнадцатое — десять тысяч драгоценных сосудов, наполненных ароматной водой, в которой плавало множество цветов, явились в воздухе, двигаясь вокруг города Капилавасту. Пятнадцатое — десять тысяч божественных дев, каждая из которых несла в дар драгоценный сосуд, появились в воздухе. Шестнадцатое — десять тысяч божественных дев, каждая из которых держала в руках знамя и драгоценный зонтик, появились в воздухе. Семнадцатое — неисчислимое множество божественных дворцовых женщин, которые держали в руках божественные музыкальные инструменты, но пока не играли, появились в воздухе. Восемнадцатое — все ароматные ветры пока не начали ласково веять и застыли. Девятнадцатое — реки были полны водой, но не текли. Двадцатое — солнце, луна, дворцы [богов] и созвездия все не двигались. Двадцать первое — звезда Пушья соединилась с луной. Двадцать второе — зал царского дворца сам покрылся сетью драгоценных камней. Двадцать третье — все светильники совершенно померкли. Двадцать четвертое — над мансардами, дворцовыми залами и башнями внезапно повсюду появились драгоценные жемчужины *мани*², свисавшие вниз как украшения. Двадцать пятое — множество сокровищниц с драгоценными камнями внезапно сами открылись. Двадцать шестое — все неблагоприятные птицы и страшные звери перестали кричать. Двадцать седьмое — в воздухе зазвучали прекрасные голоса, восклицавшие: «Благое рождение! Благое рождение!» Двадцать восьмое — карма, накопленная всеми людьми, исчерпалась. Двадцать девятое — возвышенности и низины на земле полностью выровнялись. Тридцатое — большие и малые улицы, проезжие дороги сами собой украсились лег-

² «Жемчужина мани» — 摩尼 *мони*, китайская транскрипция санскритского *maṇi* «драгоценный камень», китайские переводчики обычно понимали это слово как название особо ценной разновидности жемчуга.

ко и нежно рассыпанными цветами. Тридцать первое — все беременные женщины родили легко, благополучно и спокойно. Тридцать второе — духи деревьев *шала* (娑羅 соло) явились, показав половину тела и сложив руки в знак почтения. Таковы тридцать два предзнаменования, которые были явлены».

Как мы видим, отличия текста Дивакары от санскритской «Лалитавистары» крайне незначительны. Первая и третья приметы поменяны местами. Кроме того, в двадцать пятой примете, согласно санскритскому варианту, сокровищницы «явились, оставаясь закрытыми», а в китайской сутре они «внезапно сами открылись». Следовательно, можно утверждать, что уже к VII в. список примет рождения в седьмой главе «Лалитавистары» был практически идентичен дошедшей до нас версии.

Однако, обратившись к переводу IV в., мы обнаруживаем совсем иную картину. Приметы, приведенные в тексте Фа-ху, отличаются не только порядком следования, но и содержанием отдельных пунктов перечня:

«Будда сказал бхикшу. Когда прошло десять месяцев и приблизилось время рождения Бодхисаттвы, явились благие предзнаменования, которых было тридцать два. Первое — деревья в саду³ сами собой дали плоды. Второе — на земле выросли синие лотосы величиной с колесо. Третье — на земле на всех засохших деревьях распустились цветы и листья. Четвертое — боги и духи привезли повозки, [украшенные] пологами с семью драгоценностями⁴. Пятое — на земле сами собой возникли двадцать тысяч сокровищниц с драгоценными камнями. Шестое — лучшие благовония и превосходные курения покрыли все вокруг. Седьмое — со Снежной горы спустились пятьсот львов и выстроились у ворот города, никого не беспокоя и не причиняя вреда. Восьмое — пятьсот белых слонят выстроились перед дворцом. Девя-

³ «Сад» — 後園, букв. «сад позади», согласно словарю Хиракавы, соответствует *vrkṣavāṭikā* «сад деревьев» [Hirakawa 1997: 445].

⁴ «Пологи с семью драгоценностями» — 七寶交露, согласно словарю Карашимы, соответствует *saptaratnahemajāla* [Karashima 1998: 213].

тое — боги с четырех сторон кропили [дворец] благовониями. Десятое — посреди царского дворца сам собой забил родник. Сто видов напитков и пищи было выдано тем, кто терпел голод и жажду. Одиннадцатое — яшмовые девы-нагини пребывали в воздухе, явив половину [своего] тела. Двенадцатое — десять тысяч божественных яшмовых дев, держа опахала из павлиньих перьев, появились над стеной дворца. Тринадцатое — небесные яшмовые девы, которые несли десять тысяч золотых сосудов, наполненных нектаром, пребывали в воздухе. Четырнадцатое — десять тысяч небесных яшмовых дев, которые держали в руках десять тысяч сосудов, наполненных ароматной водой, выстроились в воздухе. Пятнадцатое — десять тысяч небесных яшмовых дев, которые держали в руках знамена и зонты, прислуживали там. Шестнадцатое — небесные яшмовые девы стали в ряд, они, находясь в воздухе, ударили в сто тысяч изысканных музыкальных инструментов и произвольно попали в лад. Семнадцатое — четыре большие реки с чистой и прозрачной водой не текли. Восемнадцатое — солнце, луна и дворцы [богов] остановились и не двигались. Девятнадцатое — звезды, состоящие при [созвездии] Пушья (沸), стояли на страже (衛從). Двадцатое — полог, украшенный драгоценными камнями, полностью покрыл царский дворец. Двадцать первое — чудесная лунная жемчужина (明月神珠) повисла в дворцовом зале, ярко сияя. Двадцать второе — огонь светильников во дворце больше не сиял. Двадцать третье — коробка с многочисленными одеяниями расположились на полках. Двадцать четвертое — сокровищницы с ожерельями из редкостных самоцветов сами собой появились. Двадцать пятое — ядовитые змеи скрылись, а благоприятные птицы летали и пели. Двадцать шестое — в преисподней все жестокие мучения прекратились. Двадцать седьмое — все высокие холмы сровнялись с землей. Двадцать восьмое — перекрестки, дороги и улицы стали ровными и усыпанными цветами.

Двадцать девятое — все глубокие ямы и рвы сравнялись [с землей]. Тридцатое — рыбаки и охотники (漁獮), преисполненные злобы, в одночасье стали добросердечными. Тридцать первое — в границах страны все беременные женщины родили мальчиков; глухие, слепые, немые, горбатые, увечные и больные ста болезнями — все исцелились. Тридцать второе — все духи деревьев предстали в облике людей, явивших половину тела, склонив голову в знак почитания. Таковы тридцать два [предзнаменования]. Эти небывалые события тогда не могли не вызывать восхищения повсюду».

Начало перечня (приметы 1–3) по содержанию напоминает санскритский текст — речь идет о растениях, однако если там предвестием будущего рождения Бодхисаттвы служит образ нераспустившихся цветов, в редакции Фа-ху, наоборот, описано обильное цветение и плодоношение: появились лотосы «размером с колесо» и зацвели даже засохшие деревья. Это показывает, что упомянутое выше отсутствие отрицания в «цветочных» приметах в тибетском переводе отражает вариант текста не дошедшей до нас редакции.

Далее, как и в санскритской сутре, следует чудо появления драгоценных камней (санскрит 4–6, Фа-ху 4–5). Вместо волшебных деревьев с самоцветами говорится о повозках с драгоценными пологам (4). Примета, связанная с появлением кладов (5), практически совпадает в обеих версиях, а упоминание о ростках из драгоценных камней у Фа-ху отсутствует (санскрит 6).

Образ «благовоний и курений» (Фа-ху 6) переключается с «ароматными водами» (санскр. 7), но не содержит намека на предстоящее омовение младенца.

Блок примет, в которых присутствуют царские символы (львята и слонята), у китайского переводчика короче (санскр. 8–11, Фа-ху 7–8).

Две следующие приметы (9–10) не находят соответствия в санскритском тексте. При этом бросается в глаза, что Фа-ху искусственно соединяет в одну примету появление родника во дворце и раздачу еды и питья нуждающимся (10).

Группа примет, касающихся царских атрибутов (санскр. 12–17, Фа-ху 11–16), дана в той же последовательности и отличает-

ся лишь деталями. Так, в санскритской сутре апсары с музыкальными инструментами замерли в ожидании (17), а у Фа-ху «небесные яшмовые девы» заиграли музыку и попали в лад (16).

В блоке примет, относящихся к стихиям и космическим явлениям (санскр. 18–21, Фа-ху 17–19), отсутствует упоминание о ветре. Станным выглядит и фраза о звездах, «стоящих на страже»: видимо, в отличие от Дивакары (21), Фа-ху не понимал, что означает соединение созвездия Пушья с луной.

Как и в санскритской «Лалитавистаре», четко выделяется блок примет, явленных внутри царского дворца (санскр. 22–25, Фа-ху 20–24). Расхождения между двумя текстами есть, но они незначительны: вместо появления драгоценных камней в разных помещениях дворца (санскр. 24) появляется лишь одна жемчужина в дворцовом зале (Фа-ху 21), а возникновение закрытых сокровищниц с тканями и драгоценностями, фигурирующее в оригинальной сутре как одна примета (25), у китайского переводчика разделено на две (23, 24).

Примета 25 у Фа-ху построена на отсутствующей в санскритском тексте оппозиции «змеи—птицы», но она напоминает приметы 26 и 27, связанные с исчезновением голосов неблагоприятных животных и птиц и появлением благих звуков.

Сообщение о прекращении мучений в преисподней (Фа-ху 26) может выражать ту же мысль, что и слова об устранении результатов кармы (санскр. 28).

Блок, объединенный идеей выравнивания и очищения земли, у Фа-ху (27–29) очень похож на соответствующий санскритский текст (29–30).

Упоминания об исправлении рыбаков и охотников (Фа-ху 30), а также об исцелении больных (Фа-ху 31) в санскритской сутре отсутствуют. Вместо слов о том, что беременные легко разрешились от бремени (санскр. 31), говорится, что у всех беременных женщин родились сыновья (Фа-ху 31).

И наконец, последний пункт списка — явление лесных божеств — в обоих текстах практически идентичен, за исключением того, что Фа-ху не называет породу священных деревьев (*шала*).

При всех отличиях списка Фа-ху от санскритского оригинала можно отметить, что состав и порядок следования смысловых блоков в обоих памятниках совпадает. Отличия, как правило,

касаются деталей содержания отдельных примет, а также порядка их следования внутри того или иного блока. Следовательно, в IV в. в текстовой традиции, к которой принадлежит «Лалитавистара», уже сложилась общая структура перечня примет рождения Бодхисаттвы. Внутри этой структуры разные редакции сутры могли иметь свои вариации, и, возможно, перевод Фа-ху отражает лишь одну из версий списка, имевших хождение в ту эпоху.

Если отойти от «Лалитавистары» и обратиться к другим «житийным сутрам», сохранившимся в ранних китайских переводах, то в некоторых из них обнаруживаются свои списки примет рождения Бодхисаттвы, свидетельствующие, что сюжет о чудесах, сопровождающих приход в мир будущего Будды, не ограничен традицией одного махаянского памятника, а принадлежит более широкому кругу агиографических текстов.

В самой ранней из сутр, посвященных жизни Будды и дошедших до нас в китайских переводах, также имеется список из тридцати двух примет рождения. Перевод «Сутры о начале деяний» (*Сюсин бэньци цзин* 修行本起經) выполнен Кан Мэнсяном (康孟詳) около 200 г. [Т 184]. Важно отметить, что список из этой сутры дословно воспроизведен в более позднем памятнике, известном под названием «Рассказанная Буддой сутра о благом появлении царевича» (*Фо шо тайцзы жуй-ин бэньци цзин* 佛說太子瑞應本起經), созданном Чжи-цянем (支謙) в первой половине III в. [Т 185].

Первое и весьма существенное отличие от традиции «Лалитавистары» состоит в том, что знамения, о которых идет речь, не предшествуют рождению Бодхисаттвы, а следуют после него. В «Сутре о начале деяний» излагается канонический сюжет о событиях в Лумбини: царевич появляется из правого бока матери, делает семь шагов, произносит слова о своем превосходстве над миром и т. д. Царь, узнав о рождении сына, с большой свитой отправляется навстречу царевичу. Затем следует краткий рассказ о посещении храма (вариант сюжета, которому в «Лалитавистаре» посвящена отдельная глава). И далее, после слов «[они] вернулись во дворец», вводится интересующий нас перечень:

«Небо ниспослало знамения, которых было тридцать два. Первое — земля сильно содрогнулась, так что выровнялись все холмы и ямы. Второе — дороги и

улицы сами очистились, а зловонные места стали ароматными. Третье — все засохшие деревья в стране покрылись цветами и листьями. Четвертое — в садах сами собой родились удивительные сладкие плоды. Пятое — на земле выросли лотосы, большие, как тележное колесо. Шестое — все клады, скрытые в земле, сами собой вышли [на поверхность]. Седьмое — драгоценности внутри кладов явились и засияли. Восьмое — одежда, [хранившаяся] в ларцах, была развернута на полках. Девятое — множество рек и десятки тысяч ручьев замерли и стали прозрачными. Десятое — ветер стих, тучи ушли, воздушное пространство очистилось. Одиннадцатое — небо с четырех сторон проливало легкий дождь из ароматной влаги. Двенадцатое — чудесная лунная жемчужина повисла в дворцовом зале. Тринадцатое — во дворце светильники больше не использовались. Четырнадцатое — солнце, луна и звезды остановились и не двигались. Пятнадцатое — созвездие Пушья спустилось и помогало рождению царевича. Шестнадцатое — драгоценные зонты Шакры и Брахмы покрыли дворец. Семнадцатое — духи восьми сторон света пришли с дарами, неся драгоценности. Восемнадцатое — сами появились небесные яства ста вкусов. Деятнадцатое — сто тысяч кувшинов повисли [в воздухе], наполненные амритой. Двадцатое — небесные духи притащили повозки с пологами из семи драгоценностей. Двадцать первое — пятьсот белых слонят сами выстроились рядами перед дворцом. Двадцать второе — пятьсот белых львят сошли со Снежной Горы и выстроились рядами у городских ворот. Двадцать третье — дворцовые женщины богов появились на плечах [придворных] певиц. Двадцать четвертое — дочери царей нагов встали вокруг дворца. Двадцать пятое — десять тысяч божественных яшмовых дев, держа опахала из павлиньих перьев, появились над стеной дворца. Двадцать шестое — дворцовые женщины богов, держа золотые сосуды, наполненные ароматной водой, встали рядами в воздухе, чтобы

прислуживать. Двадцать седьмое — божественные музыкальные инструменты все заиграли одновременно. Двадцать восьмое — во всех адах была передышка, мучения не происходили. Двадцать девятое — ядовитые змеи скрылись, а благие птицы порхали и пели. Тридцатое — рыбаки и охотники, преисполненные злобы, в одночасье стали добросердечными. Тридцать первое — в границах страны все беременные женщины родили мальчиков; глухие, слепые, немые, горбатые, увечные и больные ста болезнями — все исцелились. Тридцать второе — духи деревьев явились, склонив голову в знак почитания».

Приведенный текст легко может быть разделен на смысловые блоки, схожие с теми, о которых речь шла выше. Правда, порядок следования этих блоков, как и расположение отдельных примет внутри каждого блока, имеют ряд отличий. Так, о выравнивании и очищении земли говорится в самом начале списка (приметы 1–2), тогда как во всех версиях «Аалитавистары» этот блок расположен близко к концу перечня. Нельзя не заметить, что приметы из «Сутры о начале деяний» демонстрируют гораздо большую близость к тексту Фа-ху, чем к санскритской «Аалитавистаре» и переводу Дивакары. Очень близки по содержанию следующие приметы: Фа-ху 1, 2, 3 — Кан Мэн-сян 4, 5, 3; Фа-ху 4 — Кан Мэн-сян 20; Фа-ху 11, 12, 14 — Кан Мэн-сян 24, 25, 26; Фа-ху 21, 22 — Кан Мэн-сян 12, 13; Фа-ху 26, 25, 30, 31 — Кан Мэн-сян 28, 29, 30, 31. Более того, в ряде случаев текст обоих памятников совпадает полностью или почти полностью. Примета 30 в двух сутрах сформулирована одинаково: 漁獮怨惡一時慈心 «рыбаки и охотники, преисполненные злобы, в одночасье стали добросердечными». Дословно совпадает и примета Фа-ху 12 — Кан Мэн-сян 25: 天萬玉女把孔雀拂現宮牆上 «десять тысяч божественных яшмовых дев, держа опахала из павлиньих перьев, появились над стеной дворца». Пространная формулировка приметы 31 отличается лишь одним иероглифом: 境內孕婦產 (у Кан Мэн-сяна 生) 者悉男。聾盲瘡癰癘殘百疾皆悉除愈 «в границах страны все беременные женщины родили мальчиков; глухие, слепые, немые, горбатые, увечные и больные ста болезнями — все исцелились». Совпадения такого рода вряд ли могут быть случайностью, и мы должны сделать вывод,

что Фа-ху и его помощники в ходе работы над сутрой обращались не только к санскритскому оригиналу, но и к старым китайским переводам других агиографических памятников.

Еще один список примет рождения содержится в произведении, переведенном на китайский язык в середине V в., т. е. созданном позднее, чем «Лалитавистара» Фа-ху, но раньше, чем та же сутра Дивакары. «Сутра о прошлых причинах и нынешних результатах» (過去現在因果經 *Гоцую сяньцзай инь-го цзин* [Т 189]) была переведена Гунабхадрой (求那跋陀羅). Как и в «Сутре о начале деяний», чудесные приметы здесь не предшествуют рождению Бодхисаттвы, а следуют после него. Однако, если в «Сутре о начале деяний» чудеса происходят после выезда Шудходаны на встречу царевичу и возвращения царской семьи во дворец, то в сутре V в. знамения являются до встречи Бодхисаттвы с отцом. Но самое неожиданное в списке из этой сутры то, что примет, пронумерованных китайским переводчиком, оказывается тридцать четыре:

«И в это время были явлены тридцать четыре знамения. Первое — все миры десяти сторон света озарились ярким сиянием. Второе — три тысячи великих тысяч миров содрогнулись восемнадцатью способами (? 十八相), так что холмы и ямы выровнялись. Третье — все высохшие деревья сразу расцвели; в стране сами собой появились редкостные деревья. Четвертое — в садах появились чудесные сладкие плоды. Пятое — на земле выросли лотосы, большие, как тележное колесо. Шестое — все клады, скрытые в земле, сами собой вышли [на поверхность]. Седьмое — драгоценности кладов испустили великое сияние. Восьмое — прекрасные божественные одежды сами собой спустились сверху. Девятое — множество рек и десятки тысяч ручьев затихли и стали прозрачными. Десятое — ветер прекратился, тучи ушли, воздушное пространство прояснилось. Одиннадцатое — ароматные ветры распространили благоухание по четырем сторонам света, легкий дождь пролился, чтобы прибить летящую пыль. Двенадцатое — в стране все больные исцелились. Тринадцатое — в стране во дворцах и в домах не было нехватки света,

[хотя] огонь светильников больше не использовался. Четырнадцатое — солнце, луна и звезды замерли и не двигались. Пятнадцатое — созвездие Вишакха (毘舍佉 *бишэцьюй*) спустилось вниз и появилось среди людей, чтобы ждать рождения царевича. Шестнадцатое — [боги мира] владыки богов Брахмы держали драгоценные шелковые зонты, рядами покрывавшие дворец. Семнадцатое — учителя-отшельники (仙人師 *риши*) пришли с дарами, неся драгоценности. Восемнадцатое — сами появились небесные яства ста вкусов. Девятнадцатое — бесчисленные драгоценные сосуды наполнились амритой. Двадцатое — прибыли прекрасные божественные повозки, нагруженные драгоценностями. Двадцать первое — бесчисленные белые слонята, держа на голове лотосы, выстроились рядами перед дворцом. Двадцать второе — сами пришли божественные пурпурные сокровища-кони. Двадцать третье — пятьсот белых царей львов пришли со Снежной Горы и, обуздав свой свирепый нрав, с радостным сердцем выстроились у городских ворот. Двадцать четвертое — божественные певицы в воздухе играли прекрасную музыку. Двадцать пятое — божественные яшмовые девы с опахалами из павлиньих перьев появились над стеной дворца. Двадцать шестое — божественные яшмовые девы, каждая с наполненным благовониями золотым сосудом в руках, рядами выстроились в воздухе. Двадцать седьмое — небесные певцы восхваляли достоинства царевича. Двадцать восьмое — в адах была передышка, мучения не происходили. Двадцать девятое — ядовитые змеи скрылись, зловещие птицы сделали добросердечными. Тридцатое — все неправедные⁵ сразу преисполнились сострадания. Тридцать первое — в стране все беременные женщины родили мальчиков; все больные ста болезнями исцелились. Тридцать второе — все духи деревьев приняли человеческий облик и при-

⁵ «Неправедные» — 惡律儀, это сочетание передает санскритское *asamvara* [Hirakawa 1997: 488], ср. у Чжи-цяня [Т 185] «рыбаки и охотники».

шли почтить [царевича]. Тридцать третье — все цари других стран, неся в дар прославленные драгоценности, пришли с изъявлением покорности. Тридцать четвертое — никто из людей и богов не произносил несвоевременных речей».

Список из последней сутры демонстрирует очевидную близость со списком из «Сутры о начале деяний» [Т 184] и, соответственно, с идентичным перечнем из «Рассказанной Буддой сутры о благом появлении царевича» [Т 185]. Большинство примет не только близки по содержанию, но и даны под одинаковыми порядковыми номерами. Более того, формулировки для примет 6 и 18 совпадают полностью, для примет 5 и 14 — отличаются лишь одним иероглифом, а для примет 10, 25, 26 и 28 — очень близки. Однако список Гунапрабхи включает и пять примет, отсутствующих в других перечнях. Примета 1 — миры озарились светом. В сутре, переведенной Чжи-цянем [Т 185], непосредственно перед перечнем примет говорится, что «яркий свет распространился вверх на двадцать восемь небес и вниз на восемнадцать адов». Возможно, переводчик V в. имел дело с похожим текстом и ввел чудо вселенского света в состав примет рождения. Примета 12 — исцеление больных — дублирует содержание приметы 31. Примета 22 — уникальна, загадочные «пурпурные сокровища-кони» (紺馬寶) в других агиографических памятниках не упоминаются, хотя *aśvaratna* «сокровище-конь» — одно из семи сокровищ царя-чакравартина, что делает его появление в списке примет рождения Бодхисаттвы уместным. Примета 33 — приход царей с дарами — также может быть связана с сюжетами, предшествующими списку примет. В «Сутре о начале деяний» говорится: «В то время многочисленные (? 粟散) цари малых стран, услышав, что супруга великого царя беременна, прибыли с поздравлениями, и все они с искренним благоговением и безмерными восхвалениями приносили в дар золото, серебро, драгоценные камни, одежды, цветы и благовоения». Примета 34 — «никто из людей и богов не произносил несвоевременных речей» — не имеет аналогов в других сутрах.

В целом можно сказать, что текст о приметах рождения Бодхисаттвы в «Сутре о прошлых причинах и нынешних результатах», несомненно, относится к той же традиции, которая отражена в «Сутре о начале деяний». Отклонения в основном свя-

заны с введением в список материала из повествования, обрамляющего рассказ о приметах.

Мы рассмотрели все известные нам списки примет рождения в литературе северного буддизма. Однако присутствие такого перечня чудес в сюжете о рождении будущего Будды не ограничивается махаянскими сутрами. Если обратиться к агиографии тхеравады, создававшейся в другом ареале буддийского мира, то аналогичный фрагмент мы обнаружим в палийском жизнеописании Будды «Ниданакатха» [Nidānakathā]. Правда, в этом памятнике приметы связываются не с рождением Бодхисаттвы, а с его воплощением в утробе матери.

«Когда Бодхисаттва принимал воплощение в утробе матери, все десять тысяч миров, [как] от одного удара, задрожали, содрогнулись, покачнулись. Появились тридцать два предзнаменования — (1) в десяти тысячах мировых сфер (*caṅkavāḷa*) распространился безграничный свет. (2) Слепые, словно желая увидеть его красоту, обрели зрение. (3) Глухие услышали звуки. (4) Немые заговорили. (5) Горбатые выпрямились. (6) Хромые смогли ходить на [здоровых] ногах. (7) Все попавшие в оковы существа освободились от цепей и оков. (8) Пламя во всех адах утасло. (9) В мире претов утихли голод и жажда. (10) У животных исчез страх. (11) У всех существ прошли болезни. (12) Все существа стали говорить доброжелательные речи. (13) Кони заржали сладостными [голосами]. (14) Слоны затрубили. (15) Каждый музыкальный инструмент издал свой собственный звук. (16) У людей украшения, надетые на руки и прочее, даже нетронутые, зазвенели. (17) Все стороны света прояснились. (18) Подул нежный, прохладный ветер, радующий [все] существа. (19) Туча не в сезон пролила дождь. (20) Вода ключом забила из земли. (21) Птицы перестали летать в небе. (22) Реки перестали течь. (23) Вода в океане стала сладкой. (24) Повсюду поверхность [земли] покрылась лотосами пяти цветов. (25) Все цветы, растущие на суше и в воде, расцвели. (26) У деревьев на стволах — лотосы стволов, на ветвях — лотосы ветвей, на лианах — лотосы ли-

ан расцвели. (27) На сухой земле лотосы с [крепким] стеблем, расколов поверхность камней, пробились вверх [лучками] по семь [цветков]. (28) В небе появились висячие лотосы. (29) Повсюду пролились дожди из цветов. (30) В небе заиграли божественные музыкальные инструменты. (31–32) Все десять тысяч миров, закружившись, как брошенная пригоршня цветов, сгрудившись, как связанная гроздь цветов, словно украшенное и приготовленное цветочное сиденье, стали увенчанными одной цветочной гирляндой, овеваемыми опахалом⁶, наполненными ароматом цветов и фимиама и обрели высшую красоту».

Список из «Ниданакатхи» существенно отличается ото всех перечней, приведенных выше — он принадлежит другой традиции. В нем также имеются четко выделяемые смысловые блоки, но их состав и порядок следования не такой, как в махаянских сутрах. При этом начальная примета палийского текста — явление всемирного света — совпадает с первой из примет «Сутры о прошлых причинах и нынешних результатах» [Т 189]. Далее следует блок, посвященный прекращению страданий (2–11): все избавляются от увечий (2–6), узники освобождаются от оков (7), существа, получившие дурные рождения, перестают претерпевать свойственные им мучения (8–10), больные исцеляются (11). Следующий смысловой блок объединен темой благих звуков: раздаются доброжелательные речи, ржание коней, рев слонов, музыка и звон украшений (12–16). Большая группа примет представляет космические явления (17–23), здесь соединены темы двух стихий — воздуха и воды. Воздушное пространство становится чистым: проясняются стороны света (17), дует нежный ветер (18), птицы не летают в небе (21); все связанное с водами делается благодатным: проливается дождь (19), бьют родники (20), останавливается течение рек (22), океан наполняется сладкой водой (23). Завершающий блок примет варьирует мотив цветов (24–32), правда, череда «цветочных» образов один раз прервана упоминанием о божественных музыкальных инструментах (30).

⁶ «Опахало» — *vālabijānī*, слово отсутствует в палийских словарях, но в пракритском словаре Сетха дается композит *vālavīyaṇī* [Sheth 1986: 761], от санскр. *vālavijāna* «опахало из хвоста [яка]».

Цветы буквально заполняют все мироздание, появляясь на земле, на воде, на деревьях, на камнях и даже в небе.

Перевод последней фразы, явно призванной украсить текст, проблематичен. Неясно также и вычленение двух последних примет списка. В начале перечня сказано, что число примет составляет тридцать два (*bättimsa*). При этом, в отличие от китайских сутр, нумерация отсутствует. Можно заметить, что формулировка каждой приметы заканчивается личной формой глагола (аористом). Но таких форм в тексте — 31, последняя из них (*ahosi*) завершает длинную фразу, включающую два деепричастия. Чтобы «дотянуть» количество примет до тридцати двух, мы должны считать, что в этой фразе содержатся две приметы, но трудно сказать наверняка, где граница между ними.

Можно заметить и несколько элементов, общих для палийского списка и списков из махаянских сутр. Группа примет, связанных с цветами, завершает фрагмент из «Ниданакатхи», хотя в других текстах она помещается в начале перечня. «Космические» явления включают общий для всех текстов мотив «остановившихся рек» (22). «Исцеление больных» занимает шесть пунктов (2–6 и 11), тогда как в махаянских сутрах те же недуги перечисляются в рамках одного пункта. Угасание адского пламени (8) соответствует сообщению о прекращении мучений в адах (Фа-ху — 26, Чжи-цзянь — 28). Звучание божественных музыкальных инструментов (30) имеет точный аналог в «Сутре о начале деяний» (27).

В то же время есть и существенные отличия: ряд важных в смысловом отношении примет, общих для всех северных памятников, в «Ниданакатхе» не представлен. Так, в палийском жизнеописании отсутствует какое-либо упоминание о небесных светилах, о слонятах и львятах, пришедших в Капилавасту из Гималаев, о многочисленных апсарах (яшмовых девах), появившихся с царскими атрибутами (опахала и т. д.), о сокровищницах, вышедших из земли.

Мы рассмотрели все известные нам списки примет рождения Бодхисаттвы, сохранившиеся в текстах на индийских языках и в китайских переводах. Теперь можно попытаться обобщить предложенные выше наблюдения и сделать некоторые выводы о развитии этой части буддийского предания.

Мы убедились в том, что имеем дело с традицией, распространенной достаточно широко. Она представлена и в махаянских сутрах северного буддизма, и в комментаторской литературе тхеравады. Однако эту традицию нельзя назвать всеобщей: списки примет рождения отсутствуют в таких пространственных памятниках, как «Махавасту» и «Сангхабхедавасту». Нет такого списка и в знаменитой поэме Ашвагхоши. При этом рассказ о чудесных явлениях, сопровождающих начало земной жизни Бодхисаттвы, встречается повсеместно. В «Аччхариаббхутадхаммасутте» (Acchāriyabbhūtaḍḍhammasutta «Сутра о чудесных и удивительных качествах [Татхагаты]»), входящей в состав палийской «Мадджхиманикаи», описаны яркий, озаряющий вселенную свет и сотрясение десяти тысяч миров, ознаменовавшие сходение Бодхисаттвы в утробу матери и его рождение. Практически идентичный текст содержится и в жизнеописании Будды Випассина в «Махападанасуттанте» (Mahāpādānasuttanta) из «Дигхханикаи». Череда чудес, перечисленных в посвященных рождению Бодхисаттвы стихах «Буддхачариты» Ашвагхоши, демонстрирует очевидное сходство с рядом пунктов из рассмотренных нами списков:

«В северо-восточной части [царского] города (*avasatha*) сам собой появился колодец с чистой водой, в котором изумленные обитатели дворца совершали обряды, как в тиртхе» [Aśvaghōṣa: 1.23].

Здесь нельзя не отметить сходства с десятой приметой из перевода Фа-ху («посреди царского дворца сам собой забил родник»), и двадцатой приметой из «Нидана-катхи» («вода ключом забила из земли»). Также можно упомянуть «ласковые приятные ветры» (гл. 1, строфа 22 — ср. «Ниданакатха», примета 18), исчезновение всех болезней (гл. 1, строфа 25 — ср. Фа-ху, примета 31; Кан Мэн-сян, примета 31, «Ниданакатха», примета 11), ясность сторон света (гл. 1, строфа 26 — ср. «Ниданакатха», примета 17), приход «гималайских слонов», готовых служить Шуддходане (гл. 2, строфа 3 — ср. «Лалитавистара», примета 10; Фа-ху, примета 8; Кан Мэн-сян, примета 21).

Рассказы о чудесах, сопровождающих рождение необыкновенного младенца, встречаются во многих культурах. Индийская традиция здесь не является исключением. В санскритском эпосе чудесные знамения отмечают рождение великих царей. Появление на свет сыновей Дашаратхи в «Рамаяне» описано

как событие, празднуемое не только жителями Айодхьи, но и небожителями: «Мелодично пели гандхарвы и плясали толпы апсар, звучали божественные барабаны, с неба падал дождь цветов» [Rāmāyaṇa: I.18.16]. Рождение Пандавов в «Махабхарате» ознаменовано голосом с неба, восхваляющим каждого из пятерых братьев. Но особо выделено появление Арджуны: в небе звучат барабаны, проливается дождь цветов, пляшут апсары и поют гандхарвы, сонмы богов и небожителей приходят, чтобы почтить новорожденного [Mahābhārata: I.114.36–62]. В контексте индийской культуры мотив чудес, связанных с рождением Будды, прочитывается как одно из многочисленных указаний на царскую составляющую его образа [Александрова 2008: 53–57].

Можно предположить, что чудеса входили в сюжет о рождении будущего Будды с самого начала формирования легенды, а идея списка примет как фиксированного элемента жития появилась позднее. При этом выбор конкретного числа примет легко объясним. Число тридцать два в данном случае несомненно подсказано «тридцатью двумя признаками великого мужа». Этот перечень телесных особенностей Будды постоянно присутствует в текстах, посвященных рождению Бодхисаттвы, в «Лалитавистаре» он помещен в ту же седьмую главу, поскольку именно по этим признакам мудрец Асита узнает в новорожденном будущего Просветленного.

Наличие различных списков примет заставляет поставить вопрос о существовании «протосписка», некоего первоначального перечня тридцати двух примет рождения, из которого «эволюционировали» все известные нам варианты. Проведенное в данной работе сравнение текстов побуждает нас ответить на этот вопрос отрицательно. Характер расхождений между ними свидетельствует скорее о том, что они не восходят к одному прототипу. Определяющим фактором для всех вариантов было как раз число 32 (хотя в одном случае — 34). Составители агиографических сочинений по-разному решали одну и ту же задачу: они преобразовывали имеющийся в их распоряжении рассказ о чудесах так, чтобы подогнать их количество под заданное число. При этом им приходилось дробить повествование на отдельные пункты, и конечный результат получался различным. Отсюда происходят схожие между собой смысловые блоки, которые, однако, содержат разное количество пунктов и ком-

понуются по-разному. Например, исцеление всех недугов может составлять один пункт перечня, а может быть развернуто так, что каждый недуг станет отдельным пунктом. Нередкие тавтологии и нечеткость деления (в «Лалитавистаре» детеныши львов пришли — примета 8, сели у ворот — примета 9) также являются следами работы по «наложению числа на текст». Тридцать четыре приметы в «Сутре о прошлых причинах и нынешних результатах» могли появиться в результате непонимания китайским переводчиком членения санскритского оригинала, в котором не было нумерации.

Еще одним свидетельством в пользу предположения о том, что все списки не могут восходить к общему прототипу, является отсутствие фиксированного места перечней примет в сюжете жития. Каждый раз текст, посвященный приметам, вклинивается в последовательность событий в новом месте. В «Лалитавистаре» и ее китайских переводах приметы предваряют поездку царицы Майи в рощу Лумбини, в «Сутре о начале деяний» они появляются уже после рождения Бодхисаттвы и возвращения царской четы с младенцем во дворец, в «Сутре о прошлых причинах и нынешних результатах» приметы также даются после рождения, но до возвращения в Капилавасту, и, наконец, в «Ниданакатхе» они сопровождают не рождение, а воплощение Бодхисаттвы в утробе матери.

В то же время само широкое распространение варьируемого списка примет в буддийской агиографической литературе — это явление, заслуживающее внимания. Мы имеем дело с одним из характерных проявлений природы буддийского нарратива. Жизнь Будды мыслится как канонический список из четырех главных событий: рождение, просветление, первая проповедь и паринирвана. Этот перечень может быть расширен до восьми эпизодов за счет добавления еще четырех пунктов: чудо в Шраваси, сходжение с небес в Санкашье, усмирение слона Налагири, подношение меда обезьянами. Возможны и более пространные списки. Представление о житии как о череде отдельных событий получает воплощение как в институте паломничества (четыре главных святыни в Лумбини, Бодхгае, Сарнатхе и Кушинагаре; см. [Александрова 2008: 71]), так и в изобразительном искусстве (рельефы с четырьмя или восемью сценами [Raimo 1982: 6–43]). В литературе каждый пункт списка

превращается в рассказ, а последовательность таких рассказов составляет жизнеописание Будды. При этом принцип построения текста в виде перечней прослеживается на всех уровнях. Например, в главах «Лалитавистары», посвященных событиям, предшествующим рождению Бодхисаттвы, мы встречаем перечень «ста восьми врат к свету дхармы», описание «семи сокровищ чакравартина», рассказ о «четырех раздумьях» Бодхисаттвы, выбирающего место и время своего появления в мире, и список «шестидесяти четырех качеств рода», в котором может родиться будущий Будда. Даже спустившись на уровень отдельного эпизода, мы всякий раз имеем дело с перечнями разной длины. Изображение царицы Майи представляет собой пространственный список ее достоинств, а схождение Бодхисаттвы в утробу матери предваряется «восьмью знамениями». Каждое из этих знамений, в свою очередь, состоит из перечислений: «И многие птицы, обитающие на [склонах] царя гор Химавата — патрагупты, попугаи, майны, кукушки, гуси, павлины, чакраваки, куналы, воробьи, куропатки⁷ и другие — с разноцветными, яркими крыльями, с чарующими, приятными голосами, прилетели в лучший дом Шуддходаны, сели на веранды, купола, ворота, окна, павильоны, башенки и террасы и запели каждая своим голосом, радостные, веселые, счастливые. Такое второе знамение [там] явилось».

Подобная «поэтика перечней» обусловлена самим жанром сутры, к которому принадлежит как «Лалитавистара», так и цитировавшиеся китайские памятники. Обычная сутра представляет собой проповедь Будды в сюжетной рамке (рассказ об обстоятельствах произнесения проповеди). Основа буддийского доктринального дискурса — классификации, на материале которых строится текст. Изложение учения разворачивается как череда классификаций. Примеры слишком многочисленны, чтобы их приводить, достаточно упомянуть «четыре благород-

⁷ Двум наименованиям из списка птиц не удастся найти соответствия; *patragupta* (букв. «скрытая в листьях» или «укрытая крыльями») — приводится в словарях Бётлинка–Рота, Моньер–Вильямса и Эджертон со ссылкой только на «Лалитавистару»; *kuṅāla* — встречается в ряде буддийских текстов, как санскритских, так и палийских; по предположению Р. А. Митры, как и *munāl* (хинди), может обозначать гималайского фазана [Mitra 1998: 84], Ф. Эджертон склонен отождествлять *kuṅāla* с индийской кукушкой [Edgerton: V. 2: 185].

ные истины» и «восьмеричный благородный путь» из первой обращенной к ученикам речи Просветленного. В сутрах, использованных в этой работе, проповедь Будды заменена на его рассказ о собственной жизни, но этот повествовательный текст воспроизводит приемы построения доктринального текста. По-видимому, таким образом и возникает особая поэтика нарративных сутр, предписывающая композицию произведений, выстроенную на основе заданных перечней, и стилистику, характеризующуюся постоянным перечислением предметов, понятий, качеств и т. д. Основной принцип этой поэтики — прекрасно все, что может быть перечислено в определенной последовательности.

Списки примет рождения представляют собой частный случай применения этой поэтики. Благодаря их присутствию в тексте чуда, сопровождающие рождение Бодхисаттвы, входят в виде четко фиксированного элемента в череду событий жития, и сам этот элемент обретает жесткую структуру. Так происходит конструирование житийного канона.

Литература

- Aśvaghōṣa *Aśvaghōṣa. Buddhacarita or the Acts of Buddha / Ed. and tr. by E. H. Johnston. Delhi, 1995 (First ed.: Lahore, 1936).*
- Edgerton 1998 *Edgerton F. Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar and Dictionary. V. 1–2. Delhi.*
- Gonda 1980 *Gonda J. Vedic Ritual. The Non-Solemn Rites. Leiden–Köln.*
- Gupta 1971 *Shakti M. Gupta. Plants Myths and Traditions in India. Leiden.*
- de Jong 1954 *de Jong J. W. L'épisode d'Asita dans le Lalitavistara // Asiatica. P. 312–325.*
- de Jong 1997 *de Jong J. W. Recent Japanese Studies on the Lalitavistara // Indologica Taurinensia XXIII–XXIV. Torino. P. 247–256.*
- Hirakawa 1997 *Hirakawa A. Buddhist Chinese-Sanskrit Dictionary. Tokyo.*
- Hokazono 1994 *Hokazono K. Raritavisutara no kenkyū. Tokyo.*

- Karashima 1998 *Karashima S.* A Glossary of Dharmarakṣa's Translation of the Lotus Sutra. Bibliotheca Philologica et Philosophica Buddhica I. Tokyo.
- Lalitavistara 1987 Lalitavistaraḥ / First edition ed. by P. L. Vaidya, second edition ed. by Shridhar Tripathi. Buddhist Sanskrit Texts — No. 1. Darbhanga.
- Mahābhārata The Mahābhārata. Text as Constituted in Its Critical edition. V. 1. Poona, 1971.
- Menon–Bagla 2000 *Menon S., Bagla P.* Trees of India. New Delhi.
- Mitra 1998 The Lalita-Vistara. Memoirs of the Early Life of Saḳya Sinha (Chs. 1–15) / Tr. by R. L. Mitra. Delhi.
- Nidānakathā Nidānakathā. Khuddakanikāye jātaka-aṭṭhaka-thā. [Электронный ресурс]. URL: www.tipitaka.org/romn/ (Дата обращения: 20.11.2014).
- Parimoo 1982 Parimoo R. Life of Buddha in Indian Sculpture (Ashta-maha-pratiharya). An Iconological Analysis. New Delhi.
- Rāmāyaṇa Śrīmadvālmīkirāmāyaṇa / Ed. by Pt. Shivram Sharma Vasishth. Varanasi, 2002.
- Sheth 1986 *Pandit Hargovind Das T. Sheth.* Pāia-sadda-mahaṇṇavo. A Comprehensive Prakrit-Hindi Dictionary. Delhi.
- T 184 修行本起經, CBETA (中華電子佛典協會 Chinese Buddhist Electronic Text Association) Chinese Electronic Tripitaka Collection, 2006-02. [Электронный ресурс].
- T 185 佛說太子瑞應本起經, CBETA (中華電子佛典協會 Chinese Buddhist Electronic Text Association) Chinese Electronic Tripitaka Collection, 2006-02. [Электронный ресурс].
- T 186 — 普曜經, CBETA (中華電子佛典協會 Chinese Buddhist Electronic Text Association) Chinese Electronic Tripitaka Collection, 2006-02. [Электронный ресурс].
- T 187 方廣大莊嚴經, CBETA (中華電子佛典協會 Chinese Buddhist Electronic Text Association) Chinese Electronic Tripitaka Collection, 2006-02. [Электронный ресурс].

- T 189 過去現在因果經, СВЕТА (中華電子佛典協會 Chinese Buddhist Electronic Text Association) Chinese Electronic Tripitaka Collection, 2006-02. [Электронный ресурс].
- Waldschmidt 1956 Das Mahāvādānasūtra. Ein Kanonischer Text über die Sieben Letzten Buddhas. Auf Grund von Turfan-Handschriften herausgegeben von Ernst Waldschmidt. Teil II: die Textbearbeitung. Berlin.
- Александрова 2008 *Александрова Н. В.* Путь и текст. Китайские паломники в Индии. М.
- Вигасин 2007 *Вигасин А. А.* Древняя Индия. От источника к истории. М.
- Никольская 2013 *Никольская К. Д.* Космогоническая функция ритуального текста в Древней Индии (По материалам «Брихатсамхиты» Варахамхиры) // Текст. Контекст. Подтекст. Сборник в честь М. Н. Погребовой. М. С. 121–156.
- Сюань-цзан 2012 *Сюань-цзан.* Записки о Западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юй цзи) / Введение, перевод с китайского и комментарий Н. В. Александровой. М.

ABSTRACTS OF THE PAPERS (in order of the Contents)

Part 1: Indology

N. Aleksandrova, M. Rusanov

Omens of Birth of the Bodhisattva in Buddhist Hagiography: “The Poetics of the Catalogs”

Buddhist hagiographic narrative contains numerous stories about the miracles that accompany the birth of the future Buddha. In some texts, these miracles are grouped into lists of “thirty-two omens”. These lists have some common features, but at the same time demonstrate significant differences. The formation of these catalogs and their relationship with each other are discussed in this article. It is a narrow problem, but its solution sheds light on the general principles underlying the poetics of Buddhist narrative text. Various catalogs are found in Buddhist literature everywhere, it is therefore important to find out their origin and function.

The study is based on the *Lalitavistara*, one of the main Mahayana sutras preserved in Sanskrit. We have also used the Chinese versions of the *Lalitavistara*: the translations made by Fa-hu in 318 A.D. (普曜經) and by Divakara in 683 A.D. (方廣大莊嚴經). We also had at our disposal several early sutras preserved only in the Chinese Tripitaka: e.g., the “Sutra of the early acts” (修行本起經, about 200 A.D.) and the “Sutra of good appearance of Prince told by the Buddha” (佛說太子瑞應本起經, the first half of the 3rd century A.D.). Also, very valuable material can be found in the *Nidanakatha*, famous biography of the Buddha in the Pali language.

As a result of our investigation, we argue that various lists of omens are not derived from the same prototype. Biography of the Buddha in general and each episode of this biography is structured as a list of items. The number of these items is usually set in advance. Moreover, the presentation of the Buddhist doctrine is also built in the form of classifications. The catalog of omens is a manifestation of the general pattern.

● Orientalia et Classica

Russian
State University
for the Humanities

● **Orientalia**
et **Classica**
**Papers of the Institute of Oriental
and Classical Studies**

Issue LXI

Ya evam veda...
Кто так знает...

In memoriam
Vladimir Nikolayevich
Romanov

Moscow
2016

Российский
государственный гуманитарный
университет

● **Orientalia**

et **Classica**

**Труды Института восточных культур
и античности**

Выпуск LXI

Ya evaṃ veda...
Кто так знает...

Памяти
Владимира Николаевича
Романова

Москва
2016

УДК 821.21'01:81'255.2
ББК 86.33
У 11

Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности
Выпуск LXI

Под редакцией И. С. Смирнова

Составители

Н. Ю. Чалисова (отв. ред.), Н. В. Александрова, М. А. Русанов

ISBN 978-5-7281-1777-3

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2016
© Институт восточных культур
и античности, 2016

Оглавление

Предисловие

<i>Н. В. Александрова, М. А. Русанов, Н. Ю. Чалисова</i>	5
<i>В. В. Глебкин. О научном пути В. Н. Романова</i>	11
<i>А. Н. Мещеряков. Владимир Николаевич Романов: человек на своём месте</i>	15

Раздел 1: Индология

<i>Н. В. Александрова, М. А. Русанов. Приметы рождения Бодхисаттвы в буддийской агиографии. «Поэтика перечней»</i>	25
<i>А. А. Вигасин. Цари и боги Древней Индии</i>	55
<i>А. М. Дубянский. Конь и колесница в тамильской лирике</i>	75
<i>Д. А. Комиссаров. Встреча Сиддхартхи Гаутамы с царем Бимбисарой: история текстов</i>	97
<i>Н. А. Корнеева. Брахманы намбудури: некоторые особенности традиции передачи ведийских текстов</i>	115

Раздел 2: История и теория культуры

<i>О. Ю. Бессмертная. Кем же был М.-Б. Хаджетлаше, или нужда в обмане</i>	135
<i>В. В. Глебкин. Структура лексического комплекса философия в текстах русской культуры XVIII в.</i>	191
<i>А. М. Ермакова. Гумилев и Садаякко: отражения и подражания</i>	211
<i>А. В. Журавский. Авраам в исламской традиции</i>	249
<i>С. В. Кулланда. Гордость и предубеждение (жизненный опыт и научный поиск)</i>	265
<i>А. Н. Мещеряков. Разгул стихий в столице: катастрофизм сознания и восприятие природных бедствий в Японии периода Хэйан</i>	283
<i>А. В. Смирнов. Эпистема классической арабо- мусульманской культуры</i>	299

Раздел 3: Переводы классических памятников

<i>А. Г. Лахути. Александр Великий в поэме 'Аттара 'Илахи-наме'</i>	327
---	-----

<i>Н. Н. Селезнев.</i> «Хотя и не обязательно для меня то, что приведено в Коране, я выведу из него доказательство»: Третья беседа Илии, митрополита Нисивина, и везира Абӯ-л-Қасима ал-Мағрибй	349
<i>Н. И. Пригарина, Н. Ю. Чалисова, М. А. Русанов.</i> «Мое сердце не принимает иного пути»: газель Хафиза о тщетных советах	365
<i>М. А. Алонцев, Л. Г. Лахути, Е. Л. Никитенко, Т. А. Счетчикова, Н. Ю. Чалисова.</i> Джунайд Багдади: «Павлин ученых» и «Султан приобщенных к истине»	381
Сведения об авторах	441
Abstracts of the papers	447

Contents

Foreword

<i>(N. Aleksandrova, M. Rusanov, N. Chalisova)</i>	5
V. V. <i>Glebkin</i> . Vladimir Romanov's scholarly path	11
A. N. <i>Meshcheryakov</i> . Vladimir Nikolayevich Romanov: the right man in the right place	15

Part 1: Indology

<i>N. Aleksandrova, M. Rusanov</i> . Omens of birth of the Bodhisattva in Buddhist hagiography: "the poetics of the catalogs"	25
A. <i>Vigasin</i> . The kings and the gods in Ancient India	55
A. <i>Dubyanskiy</i> . Horse and chariot in Tamil lyrics	75
D. <i>Komissarov</i> . Siddhartha Gautama meets king Bimbisara: a history of texts	97
N. <i>Korneeva</i> . The Nambudiri Brahmins: some peculiarities of Vedic texts transmission	115

Part 2: History and theory of culture

O. <i>Bessmertnaya</i> . Who was M.-B. Hadjetlaché after all, or the need for deceit	135
V. <i>Glebkin</i> . The structure of lexical complex <i>philosophy</i> in the texts of the 18th-century Russia	191
L. <i>Ermakova</i> . Gumilyov and Sadayakko: reflections and imitations	211
A. <i>Zhuravskiy</i> . Abraham in the Muslim tradition	249
S. <i>Kullanda</i> . Pride and prejudice (life experience and scholarly quest)	265
A. <i>Meshcheryakov</i> . Natural calamities in the capital: catastrophe in the mind and perception of natural disasters in Heian period	283
A. <i>Smirnov</i> . The episteme of the classical Arab-Islamic culture	299

Part 3: Translations

L. <i>Lahuti</i> . Alexander the Great in the <i>Ilahi-Nameh</i> by Farid ad-Din 'Attar	327
--	-----

<i>N. Seleznyov</i> . “Though it is not obligatory for me what is stated in the Qur’ān, I will get proof from it”: the third conversation between Elias, Metropolitan of Nisibis, and wazir Abu ʿI-Qasim al-Maghribi	349
<i>N. Chalisova, N. Prigarina, M. Rusanov</i> . Hafiz’s ghazal on the futility of advice	365
<i>M. Alontsev, N. Chalisova, L. Lahuti, E. Nikitenko, T. Schetchikova</i> . Junaid Baghdadi: “The Peacock of the Learned” and “The Sultan of the Realized”	381
Notes on the contributors	441
Abstracts of the papers	447